

Виктор Бычков

Варькино поле

историческая повесть

Виктор Бычков

Варькино поле

«Издательские решения»

Бычков В.

Варькино поле / В. Бычков — «Издательские решения»,

События в России в 1917—1918 годах страшным катком прокатились по судьбам людей. Не стала исключением и судьба шестнадцатилетней Варвары Авериной — дочери помещика в Смоленской губернии.

© Бычков В.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Варькино поле
историческая повесть
Виктор Бычков

© Виктор Бычков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Выноси, миленький, выноси! Давай, Мальчик, дава-а-ай! – ротмистр Аверин торопил коня.

Левая, раненая в локоть рука безвольно свисала плетью. Иногда он умудрялся оглянуться назад: кони красноармейцев были свежи, и расстояние между ними стремительно сокращалось, неумолимо приближая трагический финал. Это прекрасно понимал офицер и девушка, которая чудом держалась у него на руках, намертво обхватив ротмистра. Её непокрытые длинные волосы развевались на ветру, закрывали лицо мужчине, мешали смотреть.

А конь начал сдавать: уже не бежал галопом, а скорее изображал его, ёкая требухой, с трудом выбрасывая ноги, тяжело, с шумом дышал. Всё-таки выстрелы преследователей попали в цель, ранив не только седока, но и вогнав в мышастый круп лошади несколько пуль. Одна из них прошла по касательной, вспоров правый бок животного, задев рёбра, и теперь сидит под лопаткой передней ноги, забирая у него последние лошадиные силы. Да и отдыхал конь сутки назад, и то в перерывах между боями, всего часа два, не более.

Мальчику не было равных среди его собратьев по скорости и выносливости, по его не совсем лошадиному уму не только в кавалерийском эскадроне, но и во всём полку. Недаром даже полковой командир полковник Бахметьев не раз предлагал Аверину Алексею Ильичу поменяться лошадьми, обещая взамен не только своего Мустанга, но и пять червонцев золотом, и дюжину бутылок французского шампанского из личных запасов в придачу. Вот только ротмистр не мог расстаться с лошастью.

– Друзьями, Вениамин Павлович, не торгуют! Тем более, преданными, как мой Мальчик. Он для меня больше, чем друг, если хотите. Даже речи быть не может ни о каких торгах.

И полковник в очередной раз отступал перед железным аргументом подчинённого, но надежду не терял. Не мог поверить истинный знаток и ценитель лошадей в настоящую, почти человеческую, одушевлённую, осмысленную дружбу человека и животного. Уж кто-кто, а он-то знает не понаслышке о взаимоотношении кавалерийской лошади и всадника. Сам всю жизнь в седле. Чего тут нового? Ну, обучить; ну, приручить к себе; ну, джигитовка... и всё! Да, конь иногда бывает очень хорошо прирученным своим хозяином на уровне инстинктов. Зачастую вот эти отлично выработанные животные инстинкты некоторыми творческими натурами, далёкими от жестоких реалий, воспринимаются как преданность коня человеку. А то и возводятся ими в такие чувства, как истинная дружба. Всё это понятно для обывателя. Ему, обывателю, только подай вот такую историйку, и хлебом кормить не надо. Тут же слепо поверит, даже слезу умильную пустить может по случаю. Чего только не может зародиться в человеческом мозгу?! Какого только бреда, какой околесицы не наслушаешься от иных впечатлительный, тонких творческих натур?! Но не до такой же степени, как у эскадронного с Мальчиком?! Это уже чересчур. Будто лошадь мыслит и поступает как человек, чуть ли не руководствуясь при этом нормами христианской морали и нравственности?! Это не укладывалось в голове командира кавалерийского полка. Зачастую люди между собой не всегда ладят, находят взаимопонимание. А тут человек и животное... Бред, рождённый в воспалённом мозгу.

Однако он, ротмистр Аверин, знал, что говорит. Впрочем, об его отношении с конём в полку ходили легенды. Обросшие людской молвой, а то и просто домыслами, они не всегда, возможно, соответствовали истине, действительности, но в одном были точны: эта пара – человек и лошадь – понимали друг друга, были единым целым не только в повседневной жизни, но и в бою. Да и преданность лошади хозяину вызывала у сослуживцев – товарищей, командиров и подчинённых, – неподдельное восхищение животным, вознося его в разряд существ обожествлённых, мыслящих. В кавалерийском полку Мальчика боготворили, едва ли не считая его идиолом.

Потомственный дворянин двадцати шести лет от роду, офицер в отставке Аверин Алексей Ильич вернулся в полк добровольцем вначале шестнадцатого года, успев принять участие в военной кампании против немцев на фронте.

Прибыл не один, а с конём, со всей амуницией. И сразу же эта пара покорила сослуживцев. И было чему удивляться боевым товарищам-кавалеристам.

Мальчик мог часами терпеливо ждать своего седока, пока тот не проиграется в пух и прах в «Фараона», или как называли эту же игру в кавалерийском полку – в «Штосса». Причём, ждал не у коновязи, не на привязи, как иные лошади, а свободно разгуливал у стен полкового лазарета, где офицеры играли в карты. По одному ему ведомым признакам выбирал именно то окно, за которым находился ротмистр Аверин, и замирал в ожидании, дремал стоя у окна.

Коню чужды были удила, его рот не знал железа. Он понимал хозяина без этой жестокой процедуры. Однако уздечка, как обязательный атрибут лошадиной сбруи, обязательно присутствовала, но вторым концом была постоянно привязана за луку седла на спине Мальчика. Управлялся голосом всадника или лёгким пошлёпыванием ладошки по шее коня.

Всегда встречал эскадронного командира после игры в карты радостным ржанием с нотками лёгкого укора.

– Ну-ну, не бранись, парень, чего уж. Так получилось, – оправдывался перед лошадьё ротмистр. – Этот божий одуванчик отец Павел опять мухлевал, как последний одесский биндюжник. Вот же сволочь! А ещё священник полковой. Ему бы о душе солдатской подумать, а он... карты, деньги, вино. Вот и... – офицер хлопал для наглядности по пустым карманам, разводил руками. – Опустошил с божьей помощью честного защитника Отечества, шулер, прости Господи. До последней копейки выпотрошил мои закрома. Пусто-с! А я как не пытаюсь уличить, поймать этого мошенника за руку – ускользает, как угорь. Скользкий товарищ, хоть ты что хочешь! Но я обязательно подловлю его в следующий раз.

Конь стоял рядом, понимающе кивал головой, будто сочувствовал, тихонько ржал, от нетерпения рыл копытами землю.

Прощённый и понятый другом, ротмистр чёртом влетал в седло. Тотчас Мальчик без понукания делал «свечку», с места брал в карьер, стлался по-над землёй, уносил незадачливого игрока на окраину уездного городка, где эскадронный снимал квартиру у пожилой супружеской пары.

В первые дни пребывания в полку офицеры не верили в такую, почти человеческую преданность лошади своему хозяину, и поэтому пытались поймать коня, переподчинить его кому-то другому, доказать этому зарвавшемуся ротмистру-врунишке, что животное – оно и есть животное. А всё остальное – враки, плод нездоровой фантазии некоторых оторванных от действительности маменькиных сынков, особ дворянского роду-племени.

Предпринимали попытку поймать лошадку и не раз. Но она не давалась. И даже когда привлекли отделение солдат, Мальчик смог уйти от людей. От людей ушёл, но кружил рядом с лазаретом, ждал хозяина. Однако, когда его в очередной раз обложил взвод кавалеристов под руководством полкового коновала-мастера, с верёвками, с кнутами, лошадь не сразу далась в руки и вела себя совершенно непонятно людям. Видимо, понимая, что с ней затевают какую-то игру и что обложена со всех сторон, она не уходила, не пыталась скрыться, а стояла, ждала, пока солдаты подойдут ближе, лишь наклонила голову к земле, предостерегающе фыркала. В какой-то момент, когда бойцы уже были в непосредственной близости, в нескольких саженях от Мальчика, он вдруг взвился на дыбы и смело бросился на людей. Но не с целью прорваться сквозь цепь, уйти. Отнюдь! А сбивал грудью, кусал зубами, становился на дыбы, бил противника передними ногами, не упуская возможности пройти по человеческим телам и задними подкованными копытами. Он принял вызов, дрался! И не убегал! Вот что было поразительным: лошадь не убегала! Дралась! Казалось бы, прорывай людское кольцо и полная свобода... Однако, не тут-то было! Мальчик оставался и будто играл с людьми. Подыгрывал им в этой

нешуточной затее-потехе, снова и снова своими поступками будоража человеческое сознание, выбивая из привычного представления о мироустройстве, о взаимоотношении в этом мире человека и лошади, давая повод для людского удивления.

Но и солдаты вошли в раж! Поймали-таки, накинув на шею петлю, и несколько человек крепко держали верёвку, некоторые – ухватили за уздечку, повисли на ней. И конь вроде как смирился. Хотя попытки освободиться предпринимал не раз. Но и уходить со своего поста у лазарета не собирался.

Видимо, поняв, что попал основательно, Мальчик со всех четырёх пал на землю. И никакие крики, удары кнута не смогли поднять его с земли. Не заставила встать на ноги, подчиниться чужой воле лопнувшая от кнута и кровоточащая в нескольких местах шкура на лошадином боку! Даже когда солдаты невероятными усилиями воткнули-таки удила в пасть коню, и потом рвали железом по-живому, до крови лошадиные губы, он не встал!

Так никто и не смог сесть тогда в седло. И люди поверили в «нелошадиные» качества животного, и вынуждены были отступить.

Не знал Мальчик, что его хозяин, ротмистр Аверин, таким некрасивым, подлым образом выиграл в споре не один ящик шампанского и вернул обратно ранее просаженные в карты деньги. И только после того, как Алексей Ильич как-то вечером во дворе квартирной хозяйки пьяно плакал, лез целоваться, становился на колени пред конём, а потом выливал выигранное в оскорбительном для преданной лошади пари вино на землю, в ярости бил бутылки, коня оставили в покое.

А потом были бои. Страшная рубка! Сначала с немцами. Затем Россия сошла с ума и уже дрались свои со своими... русский пошёл на русского... христианин на христианина.

В лаве Мальчик шёл чуть впереди всех лошадей, вёл за собой в атаку, как и положено по Кавалерийскому уставу боевому коню командира эскадрона. Бывало, что в этой смертельной гонке стлался на пределе лошадиных сил, но первенства не уступал! По уставу и по статусу не положено быть вторым. Первым! Только первым!

Влетал в ряды противника, вступал в бой наравне с хозяином. Всадник никогда не держал уздечку, его руки были свободны для сражения. Не было необходимости управлять конём. Он сам знал, что и как надо делать в сабельном бою.

Конь чувствовал каждое движения седока, угадывал малейшие его желания, намерения.

Чуть отводил голову в сторону, когда видел боковым зрением револьвер хозяина. Из галопа тот час переходил на резвую, размашистую рысь, не сбавляя скорости. Мах его продолжал быть мощным, но уже становился предельно ровным, без излишних рывков, дающий возможность всаднику хорошо прицелиться.

Прижимал уши, если между ними на голову ложился ствол кавалерийской винтовки, направляя себя именно туда, в какую сторону было касание ствола. Выстрела не пугался, потому, как был заранее приучен к нему и ждал его после прикосновения оружия.

Но уж когда всадник обнажал саблю, Мальчик одному ему ведомым чутьём определял противника, выбирал его сам и смело бросался в бой! В этом ему полностью и безоговорочно доверял эскадронный Аверин.

Во время схватки конь кидался на врага, сбивал грудью лошадь противника, бил её копытами передних ног. Но чаще всего хватал вражеского всадника зубами, стаскивал с седла. А то и сильным, неожиданным движением головы сбрасывал его на землю. Противник в пылу боя интуитивно всё внимание заостряет на всаднике, а тут конь проявляет вдруг такие бойцовские качества! Ротмистру только и оставалось грамотно пользоваться саблей или стрелковым оружием.

Иногда нарывались на достойных противников, о чём свидетельствуют не один шрам от удара саблей на его шкуре, да и полковой ветеринар не единожды извлекал из тела боевого

коня вражеские пули. И всаднику доставалось сполна. Однако, Господь миловал, из боя выходили живыми. Пока... Что будет сегодня, вот сейчас – одному Богу ведомо...

Красные нагоняли. Всё явственней слышен топот погони, всё неотвратимей ощущалось приближение трагической развязки. Всё труднее и труднее Мальчику удерживать темп, всё тяжелее и тяжелее выбрасывать ноги, всё сильнее и сильнее боль под лопаткой правой передней ноги, всё меньше и меньше остаётся лошадиных сил...

Глава первая

– Варенька, Варенька приехала! – шестилетний Серёжка вбежал в мамину спальню, запрыгал на одной ножке. – Мама! Мама! Варенька приехала! Сестричка моя любимая приехала! Вот что она мне привезла! – ребёнок гордо размахивал игрушечной сабелькой, с завидным мастерством для своего возраста поражал невидимого противника.

Хозяйка именина Евгения Станиславовна Аверина отложила в сторону книгу, не забыв ещё раз взглянуть на номер страницы: она не любила закладок, а уж загибать листы тем более не любила, и считала это проявлением полнейшего бескультурья.

Барыня ожидала приезда дочери из Смоленска именно сегодня – 11 июня 1918 года. Накануне Варенька умудрилась переправить записку с оказией: почта так и не наладила работу к этому времени.

В записке она поведала, что задержится в кавалерийском полку у брата Алёши.

После октябрьского переворота семнадцатого года Алексей съехал с квартиры на окраине уездного городка, поселился в гарнизоне в казармах. В городе стало небезопасно для командиров: были случаи, когда неизвестные нападали на военных, особенно офицеров, избивали, разоружали их, а то и убивали. Применять оружие по обывателям в таких случаях категорически запрещало полковое начальство, но и жить так дальше было нельзя.

Ещё с зимы гарнизон в уездном городке не принял предложение новых властей о переходе на их сторону, оставался преданным воинскому долгу, военной присяге, Временному правительству. Красные несколько раз грозились силой овладеть гарнизоном, разоружить кавалерийский полк, но после длительных и безуспешных переговоров отступали. Хотя пропускные пункты в гарнизон блокировали, держа там постоянно достаточное количество вооружённых людей, чтобы препятствовать служивым массовому выходу в город. Но свиданию с гражданскими лицами не возражали. Вот и Варенька смогла проведать брата, погостила у него несколько дней.

Гарнизон держится с достоинством. Правда, несколько служивых из нижних чинов перешли на сторону красных, но это количество – восемь человек – не сказалось на боеготовности и боевых возможностях кавалерийского полка.

Крови православных никому не хотелось, здравый смысл преобладал в переговорах, всё заканчивалось миром, до оружия дело не доходило. Пока фуража для лошадей и продовольствия для личного состава хватало – склады были забиты ещё с осени прошлого года, однако офицерский состав внимательно следил за событиями в стране, и прекрасно понимал, что оставаться и дальше в стороне им не удастся. Когда-то надо будет принимать решение, определяться... Тем более по всей России начиналась война против советской власти, и красные парламентарии заметно нервничали на переговорах, стараясь убедить служивых склониться на их сторону. Появились жёсткие ноты, а то и открытые угрозы в адрес непокорного гарнизона.

Варвара соскучилась по братцу, вот и навестила, чтобы погостить недельку-другую. И уже из уездного городка выехала домой в имение сегодняшним утром. Дорога-то не длинная: каких-то пятнадцать вёрст. И подводы попутные ходят очень часто, можно было без проблем доехать если не прямо к родительскому дому, то уж в любую соседнюю деревеньку попасть труда не представляло. А уж оттуда домой рукой падать.

Однако управляющий имением Генрих Иоаннович Кресс взял инициативу в свои руки и ещё рано поутру выслал в уезд бричку на резиновом ходу с младшим конюхом Иваном Кузьминым. Проследил, чтобы на конюшне запрягли резвого, быстрого на ногу, выносливого, но спокойного нравом Беркута.

– Вот ещё чего не хватало, чтобы молодая барыня добиралась до родительского дома с оказией?! Побойтесь Бога, Евгения Станиславовна, – незлобиво укорял хозяйку пожилой

немец. – Неужели мы так обнищали, что не можем снарядить повозку? Полно себя принижать: не хуже других живём. Можем позволить не только повозку, но и карету с тройкой выездных рысаков имеем, если что. И прошу не забывать, в какое беспокойное время живём. А вы так с ребёнком... У нас, русских, забота о детях и стариках в крови. А уж о такой прелести, как наша красавица и умница Варенька – сам Бог велел позаботиться.

– Ну-ну, – улыбнулась барыня, и добавила с легкой иронией:

– Особенно у вас – русских, Генрих Иоаннович.

– Сколько можно просить, Евгения Станиславовна? – обиженно произнёс управляющий. – Зовите меня Геннадий Иванович! Покойный Илья Васильевич так и обращался ко мне, царствие ему небесное. За что я и был предан вам вот какой десяток лет. И отец мой, и бабушка на совесть трудились управляющими во благо Авериных. А уж как я обожал Илью Васильевича... Как сына родного! Вот как! И к вам так же... А вы всё норовите с самых первых дней появления в этой семье оскорбить и унижить меня. Грешно так, не по-христиански, – добавил укоризненно.

– Будет вам, Генрих Иоаннович, – отмахнулась в очередной раз барыня. – Вы, право, как девица на выданье: шуток не понимаете. Я это любя, с уважением. Так и быть: отправляйте экипаж за Варенькой. Только проследите, чтобы всё было по-немецки правильно. Да не напутайте по-русски, как это уже не раз бывало у нас. И ещё: пусть кучер возьмёт кого-нибудь в помощь. Вдруг новые хозяева жизни на возок и коня позарятся.

– Не извольте сомневаться, Евгения Станиславовна, – управляющий отвесил еле заметный поклон, направился в людскую.

Вот и получилось всё по-немецки правильно: прибыла доченька.

– Слава тебе, Господи, – барыня на ходу осенила себя крестным знаменем, слегка качнула головой в сторону иконы Божьей Матери, что висела в углу спальни, поспешила к выходу.

Прислуга уже тащила в дом чемоданы с вещами дочери, сама Варенька кружила на руках младшего брата Серёжу.

– Будет, будет тебе, Варвара! – Евгения Станиславовна придала голосу строгие нотки. – Не забывай, милая моя, что ты – девица, будущая мать. Помни о своём главном, женском, материнском предназначении. Поставь этого недоросля! Не надорвись!

– Ма-а-а-ма-а-а! – дочь уже повисла на шее матери, целуя её, успевая восклицать:

– Как я рада! Как я рада, что вижу вас всех, нашу деревеньку! Тебя, моя милая-премилая мамочка!

– Ох, и подхалим же ты, Варвара, – незлобиво, больше по привычке, наигранно-строго бранилась, выговаривала дочери мать, ощущая внутри себя привычный прилив нежности к ребёнку: глаза увлажнились, перехватывало дыхание.

– Ты знаешь, – Варенька взяла маму под руку, направились в дом, – у Алексея в гарнизоне ужасные новости, – доверительно заговорила девушка.

– Что так? С Алёшей что-то? – вздрогнула Евгения Станиславовна, напряглась вдруг, почувствовав неладное, остановилась, с волнением ждала продолжения разговора.

– Нет-нет! Что ты! – постаралась успокоить маму дочь. – У него всё хорошо. Просто красные предъявили гарнизону ультиматум: сегодня к вечеру сложить оружие и подчиниться новой власти. В противном случае возьмут его штурмом. Вокруг уже стоят воинские части красноармейцев, я видела даже несколько пушек. Местные жители в отчаянии, не знают что делать, на чью сторону встать. И там, и там – русские люди, христиане.

– Да-а-а, – барыня тяжело вздохнула. – По всем данным, нашему покою тоже приходит конец, – обречённо взмахнула рукой, прошла в дом, крикнула прислуге:

– Подготовьте барышне умыться с дороги!

Имение Авериных стоит на отшибе. Сама деревня Дубовка вытянулась вдоль небольшой, мелкой и узкой речушки Пескарихи, огородами почти примыкая к её берегу. Барское подво-

рье вместе с пристройками, помещением для прислуги находилось у искусственного пруда с широкой земляной дамбой, что отгородила пруд от речки, почти полностью окружив водоём. Молодые дубки вновь заложенного парка только-только входили в силу, сиротливо ютились на южной стороне пруда рядом с кузницей. Сама дубовая роща начиналась на той окраине деревне, постепенно смешиваясь сначала с берёзами, а потом уж за выпасами терялась в сосновом бору.

События, происходящие за пределами Дубовки, будто и не касались ни самой деревни, ни бар Авериных: всё было тихо, рутинно, как и было до этого вот уже не один десяток лет. Разве что в четырнадцатом году призвали на фронт дюжину мужчин. И то к началу этого года последние из них уже вернулись обратно, пришли с войны. Двое – раненые, трое – травленные газами. Ещё двое лежат где-то в Смоленске в госпитале. Барыня отправляла по весне старосту Дубовки к раненым землякам в лечебное заведение проведать и одарить подарками. Доложил, что идут на поправку, слава Богу. А на троих пришли похоронки. Иван Кузьмин и Сашка Попов появились в деревне первыми, живыми и здоровыми осенью прошлого года, ближе к зиме. Пришли с оружием.

Евгения Станиславовна интересуется событиями, знает, что в соседних волостях, в деревнях уже установили советскую власть, организованы её выборные органы.

Страшна та поступь новых хозяев.

Повешен своими крестьянами в родовом поместье друг семьи и хороший товарищ помещик Кондратьев Владимир Иванович. Скориковы и Даниловы куда-то исчезли, не попрощавшись. Их имения подверглись разграблению и сгорели ещё в конце семнадцатого года, как только докатились новости из Санкт-Петербурга. Увезли в неизвестном направлении настоятеля храма в селе Барсуково, что за рекой Пескарихой, отца Питирима сразу после февральского решения новых властей об отделении церкви от государства. Семья священника переехала к дальним родственникам в соседнюю деревню Конюхово, затаилась там. Церковь закрыли, успев перед этим надругаться над крестом на маковке, и сбросив колокол с колоколенки. Поговаривают, что в ней сейчас квартирует какая-то воинская часть красных: по-видимому, мир вывернулся наизнанку.

А вот Авериных Бог миловал. Здесь не только не создалась ячейка новой власти, но даже разговоров на эту тему не велось. По крайней мере, барыня не слышала об этом.

Несколько раз из уезда приезжали люди в кожаных одеждах, при оружии, с мандатами на руках. Говорили, что они представители новой советской власти, трясли перед глазами сельчан бумажками сомнительного происхождения, но с печатями для пущей важности и достоверности. Собирали местных жителей, агитировали. Однако крестьяне Дубовки в один голос заявили, что их вполне устраивает та жизнь, которую они ведут, которой жили их предки. Потрясений они не хотят. От добра искать добра не собираются.

Приходили эти люди и к ним в имение.

– Мы – как все, – отвечала им Евгения Станиславовна. – Решит деревенька быть под вашей властью – ну, что ж, так тому и быть. Против людского желания я не пойду. Кто я без своих крестьян? – задавала вопрос гостям и сама же отвечала на него:

– Без наших крестьян я не барыня Аверина, а простая русская баба. Так что, всё решит народ. Как он, так и я. А что у вас есть против простой русской женщины? Какие претензии? Вы думаете, что я не умею работать на земле? Полноте! Посмотрите на мои руки: это руки крестьянки, а не барыни. Иль буду цепляться всеми способами за имение? Окститесь, милейшие! Род Авериных всегда был состоятельным, но никогда не был жадным, а уж тем более не был ленивым. И умел работать, не покладая рук. А уж под какой властью трудиться? Да разве ж в этом смысл жизни?! Русь – вот она! Была и останется, кто бы над ней не властвовал.

Барыня ещё и ещё раз сопоставляет события, слухи, разговоры, пытается анализировать прошлое, разобраться с настоящим, спрогнозировать будущее.

Причин для тревоги не находит. Отношения с крестьянами всегда были ровными, доверительными, дружескими. Иногда ей казалось, что отношения Авериных к крестьянам, а крестьян к ним больше походили на семейные, родственные. Особенно это было заметно, когда она впервые перешагнула порог имения в качестве законной супруги Ильи Васильевича – наследника и продолжателя рода господ Авериных. Ей, воспитанной в самых лучших традициях благородных девиц, было странным видеть зашедшего в барский дом без приглашения конюха или повара; удивляли разговоры на равных барина и сезонного рабочего. Однако это было так.

Её умиляло, как чутко и трепетно относились бары Аверины к жалобам крестьян на несправедливость. Жалобщиков внимательно выслушивали, разбирались в ситуации, исправляли, если считали нужным. И всё это делалось по обоюдному согласию, без злобы, на виду у всей деревни. Потом и она сама привыкла к этому. Нет, быстрее – смирилась, чем привыкла, ибо воспитание не позволяло полностью доверяться простолюдинам.

Состоятельные. Бедных среди крестьян Дубовки не было. А если и были, то скорее ленивые, чем бедные. Ну-у, этаких не так уж и много, можно сосчитать на пальцах одной руки: Кузьмины, Ганичевы, Поповы. И всё!

Аверины передают из уст в уста завещание первого поселенца, основателя деревни Дубовки, зачинателя их дворянского рода отставного штаб-ротмистра армейской кавалерии, участника Бородинской битвы Аверина Данилы Михайловича, который за мужество и героизм при защите Отечества поощрён был самим Императором Александром Первым семьюстами десятинами земли в этих местах:

– Благополучие хозяина полностью зависит от работоспособности, свободы и благополучия крестьян. Заботься о них, как о самом себе, и тебе воздастся сторицей! Сам довольствуйся малым, думай о Боге, людях и Родине. Благодарю Господа нашего за каждый прожитый день.

Со временем это завещание стало нормой жизни, фамильным лозунгом, руководством к действию, и оно не преминуло положительно сказаться не только на делах господ, но и на крестьянском благосостоянии тоже.

В Дубовке усилиями Авериных была открыта и действует вот уже несколько десятков лет начальная школа для деревенской детворы с приглашённым из Смоленска тогда ещё молодым учителем-народником, подвижником милейшим Жарковым Иваном Фёдоровичем.

Расчёты с нанятыми работниками производятся регулярно, при полной открытости. И, что самое важное, оплачивается наёмный труд крестьян щедро, в отличие от соседей-помещиков, за что соратниками по классу не раз подвергались обструкции.

Евгения Станиславовна уже всерьёз подумывала о приглашении в Дубовку земского врача. Вначале может быть не на постоянной основе, просто с регулярными приёмами в определённые дни, а уж потом можно будет и устроить небольшую больничку в каком-нибудь милом и уютном уголке деревни. Благо, лес свой, за строительными материалами дело не станет. Мастера в Дубовке отменные. С питанием больных тоже не должно быть сложностей, если уж кто-то окажется на больничной койке: не обеднеют Аверины. Так же и с лекарствами. Дворяне из окрестных сёл изъявили желание внести посильный вклад в благородное дело. Земское собрание обещало не остаться в стороне. Само собой – община сельская со своей толикой добра.

И с местом для лечебного заведения нет проблем: природа позволяла выбрать самое лучшее, самое-самое... Барыня ещё при живом муже присмотрела такое место рядом со школой, со стороны Пескарихи. И река рядышком, и рощица берёзовая, что парк городской... Луга на том берегу... разнотравье... воздух целебный... ключ с живительной водицей... Чем не райское место?! Она не будет возражать, если в лечебное заведение в Дубовке будут обращаться за помощью и крестьяне других деревень. Не убудет, а люди здоровее станут. И дополнительный доход врачу ой, как не помешает!

В то же время Аверины всячески поощряли и поощряют труд подданных на их приусадебных участках. Тут и беспроцентная выдача семенного материала, и помощь тягловой скотиной, инструментом, и многое-многое другое, тем или иным способом связанное со спецификой крестьянской жизни. Каждую весну по просьбе общины баре отправляли людей на безвозмездной основе вспахать огороды немощным и старым, кто уже не мог сам содержать коня, однако ещё был в силах кормиться с собственного участка. Шли на помощь тем, у кого не было родственников, готовых и обязанных содержать состарившихся предков. Помогали при посадке огорода, а если надо, то и при уборке урожая. Взамен Аверины ничего не просили и ни на что не претендовали: это были жесты доброй воли со стороны более сильного, более состоятельного; так требовали нормы христианской морали и нравственности. Это был христианский долг как один из элементов их уклада жизни.

И обращение бар с крестьянами скорее дружеское, товарищеское, уважительное, чем повелительно-господское. Дети разных поколений Авериных не гнушались и не стыдились игр с деревенскими сверстниками, росли вместе, получали начальное образование в местной школе, сидели за одними партами. И лишь достигнув определённого возраста, отправлялись родителями в учебные заведения Смоленска для дальнейшего обучения, или приглашались учителя в имение.

Нет, революционных, бунтарских настроений не улавливает барыня Евгения Станиславовна. Откуда быть бунтарям в Дубовке? Ей кажется, что такое недовольство может спровоцировать лишь неуважительное отношение господ к крестьянам. Но у них, у Авериных, это совершенно не так. Нет почвы для недовольства селянам. Все конфликты улаживались миром. Ещё не было на её памяти случая, чтобы жители деревни обращались в суд. Всё миром... ладком. «От добра добра не ищут». И в хутора выделялись, и из общины выходили. И опять решали сообща, миром. Какой-то зависти или, не дай Боже, злобы не было к хуторским, вышедшим из общины. Как могли, так и помогали словом и делом новым хозяевам. Напротив, Аверины гордились, что рядом с ними появляется, становится на ноги новое поколение состоятельных, трудолюбивых людей, их земляков. На удивление соседей-помещиков добровольно отказались от Варькиного поля, по доброй воле передали его общине, чтобы поселился там, стал хозяином кто-нибудь из новых собственников-хуторян.

Они, баре Аверины, были патриотами, настоящими – не книжными. Понимали прекрасно, что Россия будет сильна и богата лишь тогда, когда сильным и состоятельным станет каждый гражданин России. Вот и радовались искренне каждому крестьянину, каждой семье, сумевшей хоть на чуточку стать богаче, состоятельнее, грамотнее.

Женщина свято верит, что все эти красные власти временны, не долговечны. Вот-вот соберутся умные головы в Санкт-Петербурге, позаседают, выработают хорошие, строгие законы и снова над Россией воцарится мир и покой. Если бы не верила в это, не стала бы отправлять дочурку в Смоленск, держала бы её при себе, под строгим материнским глазом, под контролем.

И сынок Алёшенька... Конечно, она понимает его: как-никак, а он – кадровый офицер. Этим всё сказано. У них, в роду Авериных, защитник Отечества если не обожествлялся, то уж ценили его по достоинству – это точно. Вот и сейчас семьи погибших и раненых на войне односельчан находятся под особым контролем барыни. Помимо того, что государство, уездная казна выплачивает им пособия, она, Евгения Станиславовна, считает своим долгом доплачивать семьям по пять рублей деньгами за погибших земляков, и по три рубля – раненым. Это не считая пособия со стороны сельской общины.

Сына Алексея она хорошо понимает: он не мог поступить иначе. Но вот эти последние новости из уездного городка?! Как там будет? Неужели не обойдётся, как уже обходилось миром не один раз это противостояние новых властей и военного гарнизона? Дай-то Бог, дай-то Бог! Спаси и сохрани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.